

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СИБИРИ. ПРОБЛЕМЫ И РЕФОРМЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе архивных документов рассмотрены проблемы, возникшие перед католиками в Сибири в начале XX в., и пути их преодоления. Развитие ситуации показано на примере двух приходов. В частности, замечено, что церковь, игравшая вначале также роль «польского клуба», перешла, в основном, к религиозной деятельности.

Выбирая тему для этой статьи, я принял во внимание факт достаточно глубокой изученности истории многих сибирских приходов, особенно находящихся в крупных городах. Историки по понятным причинам останавливают свой выбор на крупных и старых центрах католицизма в Сибири, какими были Томск, Тобольск, Омск, Иркутск и др. В этих городах католические общины и храмы существовали еще в XIX в. Из-за небольшого количества материала в местных архивах и воспоминаний остаются неизученными небольшие приходы, входившие после 1910 г. в состав разных сибирских деканатов. Такими были Новониколаевск и Маличевский поселок (оба они принадлежали Томскому деканату). Используя в этой статье выводы, сделанные мною при работе с большим количеством документов Российского государственного исторического архива (РГИА), для иллюстрации некоторых общих тенденций я остановлюсь именно на этих двух приходах. Выбраны они были из значительного, к тому времени, количества церквей не случайно. Оба храма были построены в начале века (1907 и 1909 гг.) и находились в совершенно разных по характеру населенных пунктах. Новониколаевск, основанный в начале века, в рекордно короткие сроки вырос в сибирский мегаполис (современный Новосибирск) и уже к 1917 г. имел около 100 тыс. жителей. Что касается Маличевского поселка, то он являлся практически полностью католической и однонациональной деревней и составлял один приход с другим похожим поселком - Белостоком, известным по публикациям томского исследователя В.А. Ханевича [1]. Выбор этих населенных пунктов достаточно репрезентативен для Западной Сибири начала XX в.

Теперь немного о времени, о котором пойдет речь. В 1917 г. в Томском деканате числилось 24 церкви, часовни и дома молитвы, разделенные на 11 приходов (все сакральные объекты указаны по их порядку в официальном каталоге, а не в соответствии с их значением или временем постройки). Это - Томск, Томская часовня на кладбище и Тайга, Барнаульское, Боготол, Тюхтет, Белостокский и Маличевский поселки, Уртамский поселок, Каинск, Ломовицкий, Двухречный и Андреевский поселки, Мариинск и Вязьма, Новониколаевск, Гейдельберг, Либенталь, Александргейм, Екатеринбург, Спасское, Тимофеевка и Нарымский край (Колпашево) [2. С. 105-107].

Во втором Западно-Сибирском деканате - Омском - насчитывалось 22 сакральных объекта в 9 приходах: Омск, Екатеринбург, Кустанай, Тыминский, Озерной, Семеновский, Нелюблинский, Викентьевский, Степной, Придорожный, Тургеневский поселки, Курган, Переметновский (бывший Мариенбургский) поселок, Петропавловск, Келлеровка, Стеселевка, Тобольск, Гриневичи, Тара, Ишим, Тюмень и Челябинск [2. С. 107, 108].

На территории Западной Сибири официально числилось 46 построек, не учитывая тех, которые находились в этот момент в процессе строительства. Для сравнения следует указать, что 12 годами ранее, в 1905 г., на территории еще не установленных тогда Омского и Томского деканатов было всего 10 из этих 46 зданий, и были они поделены на 7 приходов. Это - Бароковское, Екатеринбург, Омск, Тобольск, Тюмень, Курган, Томск, Двуреченск, Челябинск, Спасское [3. С. 95-100].

Анализируя предыдущие списки и последний, следует учесть несколько обстоятельств. Во-первых, два из указанных в 1905 г. населенных пунктов - Екатеринбург и Челябинск - скорее относятся к региону Урала [4. С. 29], а не Западной Сибири и были включены мною в этот список только из-за того, что 1917 г. еще входили в состав Омского деканата.

Во-вторых, эти 10 сакральных объектов были построены в период с 1833 по 1905 г. Т.е. за более чем 70 лет, а за следующие 12 лет, в период до 1917 г., было построено 36, а еще многие находились в строительстве. Строительный бум начала века действительно впечатляет.

В-третьих, в 1910 г. были основаны Омский и Томский деканаты для Западной Сибири, а для Восточной - Иркутский, чем нормализовалось местное церковное управление, и решение многих насущных вопросов стало более легким (ранее все приходилось решать Могилевскому митрополиту, живущему в Петербурге).

В период от 1905 до 1917 г. наблюдается настоящий бум строительства церквей, часовен, молитвенных домов. Вызвано это было двумя факторами. С одной стороны, это было время активного переселения в Сибирь крестьян из малоземельных губерний европейской части Российской империи. С другой стороны, важную роль сыграли манифесты 1905 г. Сначала, 17 апреля, на Пасху было объявлено о пусть неполной, но значительной религиозной свободе, а спустя ровно 6 месяцев, 17 октября император объявил в манифесте и о других гражданских свободах.

Изменения и новые свободы не могли не оказать влияния на все стороны жизни Российского общества. Для небольших и отдаленных от центра общин в Сибири эти изменения давали главным образом то, что теперь нужно было преодолевать гораздо меньше барьеров бюрократического характера, чтобы построить новое сакральное здание и оформить образование нового прихода. Однако при этом было потеряно государственное содержание каждого нового прихода. Ранее вместе с разрешением строительства новой церкви шло и финансирование, хотя бы частичное, из Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИ), который являлся Департаментом Министерства внутренних дел России (МВД), т.е. из го-

сударственной казны. То же самое касалось и назначения нового священника - он мог быть назначен только в том случае, если у МВД находились деньги на его содержание. Все официально работающие в Сибири священники получали жалование от государства. Спорный вопрос - было ли оно достаточным (в своих письмах к Могилевскому митрополиту священники жаловались на недостаток средств), но оно было. Теперь же содержание церкви и ее строительство, как и содержание священника, возлагалось на местную католическую общину и ее согласие. Такое положение вещей было условием, без которого не давалось разрешение на строительство церкви и регистрацию прихода. Но на этих аспектах я еще остановлюсь ниже.

Все это отразилось на состоянии Католической церкви в империи, а особенным образом на состоянии церкви в Сибири, где произошла настоящая революция в понимании того, чем является церковь, и изменилась структура самой церкви.

Революция в понимании того, чем является церковь - это изменение той ситуации, когда церковь являлась не только местом молитвы, но и «польским клубом». В XIX в. подавляющее большинство католиков в Сибири были поляками, литовцами и белорусами (в Сибири долгое время всех прибывших из бывшей Речи Посполитой называли «литвой»), католиков других национальностей было мало. Следует отметить и то, что в то время, особенно в первой половине XIX в., и литовцы, и поляки еще были готовы считать себя представителями некогда единой Речи Посполитой. В это время в Сибири естественно не было никаких польских обществ, где можно было сохранять национальные и культурные традиции. Таким местом была церковь. Однако это положение изменилось в конце XIX - начале XX в.

Католики в Сибири стали более многочисленными. Появились национальные и культурные общества, и не только польские. Они служили местом встречи по национальному признаку, и не только верующих католиков, но и, например, революционеров, которые в значительной мере были атеистами. Эти организации нередко брали на себя функции благотворительности и оказывали другие виды помощи, которые перед тем казались привилегией и обязанностью церкви. Эти организации могли казаться, в той или иной степени, связанными с церковью, например, на свои встречи могли изредка или постоянно приглашать местного настоятеля (особенно, если он был той же национальности). Благодаря своей работе с материалами РГИА, могу утверждать, что большинство священников в Сибири старались максимально осторожно относиться к таким организациям. Это было связано с тем, что в любых обществах, которые напрямую не были связаны с церковью, священнослужители, очень часто, были склонны подозревать руку политических движений с атеистической или антиклерикальной идеологией. Кроме того, без сомнения, в разговорах, которые велись в польских обществах, часто поднимали «польский вопрос», связанный с национальным освобождением Царства Польского от зависимости от Российской империи, а это было, естественно, небезопасно для священника.

Кроме национальных обществ, не связанных с церковью, следует отметить, что нередко и созданные

при самой церкви общества носили ярко выраженный национальный характер. Примером такой ситуации может служить Благотворительное общество, созданное при томской церкви (при других церквях в Сибири, так же в конце XIX - начале XX в., были созданы подобные). О ярко выраженной польской направленности этого общества можно судить не только по фамилиям членов, но и по характеру помощи, которую они оказывали.

Свою цель Благотворительное общество реализовало следующим образом: выдавало единовременно или многократно продовольствие, дрова и одежду, осуществляло поиск работы, выдавало стипендии бедным студентам. В 1908 г. часть средств была предназначена на строительство дома престарелых (там жило 18 человек) и на отправку в Польшу части сосланных, которые принимали участие в восстании 1863-1864 гг. (13 человек). Возможным было помещение кого-либо из детей в детском доме, который также находился под патронатом Благотворительного общества. Общество содержало школу для детей католиков (главным образом для польских детей). В январе 1909 г. там учился 61 ребенок. Обучение включало следующие предметы: закон Божий, польский и русский языки и арифметику. В 1913 г. Благотворительное общество имело 5 домов, из которых один был детским домом. Он был открыт 12 ноября 1900 г. Средства на это долгое время собирал Томский настоятель священник Валериан Громадский. В приюте, построенном на земле, принадлежащей приходу, занимались как сиротами, так и детьми бедных родителей. Принимали детей с 4 до 12 лет, получивших рекомендации от попечителей Общества. Эта рекомендация была необходимой, поскольку принимали только детей нормально развитых умственно и физически, без криминального прошлого. Содержание этих детей было возможно как постоянно, так и только днем (с 6 утра до 20 часов вечера, в случае если семья была бедной). В зависимости от времени и сил дети сами совершали все необходимое для поддержания порядка в приюте. После достижения 14 лет воспитанники могли быть отправлены на работу или учебу, либо к ремесленникам для получения профессии. Попечители были обязаны курировать их во время профессионального обучения или во время учебы в школе, во всяком случае, до 16 лет. После выхода из приюта ответственные за них опекуны предоставляли им, в меру возможности, все необходимое для начала самостоятельной жизни [5. С. 243-245].

Нельзя, конечно, сказать о том, что изначально Благотворительное общество имело цель помощи только полякам (в самом уставе встречается слово «католики», а не «поляки») или о том, что оно никогда не помогло никому другому, кроме поляков. Тем не менее, анализ деятельности общества в многонациональном томском приходе не оставляет сомнения в его польской направленности.

В начале XX в. сама церковь, благодаря созданию как церковных, так и национальных обществ, стала исполнять в большей мере свою задачу быть центром религиозной жизни для представителей разных национальностей. Между этими национальностями нередко возникали конфликты или трения на почве выбора языка для паралитургических молитв и богослужений (роза-

рий, литании, майские, июньские богослужения, рораты и т. д.). Литургию или Св. Мессу тогда во всей Римско-католической церкви служили на латыни.

Конкуренция по этому вопросу возникала чаще всего между поляками и литовцами. Вопрос о том, когда литовцы начали ощущать себя отдельным и не связанным с поляками народом (во всяком случае, в Сибири), нуждается в специальном изучении. То же самое касается и времени, с которого литовцы стали предъявлять претензии к языку паралитургии (т.е. все богослужения, осуществляемые в церкви, но не относящиеся прямо к Литургии). Практически весь XIX в. - время господства польского языка в церкви в Сибири не только из-за того, что большинство католиков были поляками, но также потому, что литовцы в Сибири были готовы чувствовать себя представителями бывшей Речи Посполитой.

В начале XX в. значительная часть литовцев была уже не сосланными и не потомками ссыльных некогда граждан Речи Посполитой, а новоприбывшими добровольными переселенцами. Именно они, по моему мнению, начали требовать использования родного языка в паралитургии и, что не менее важно, в проповеди. Конфликты или конкуренция начали возникать из-за того, что литовская часть католиков раньше почувствовала себя отдельным народом, чем поляки позволили им это. По понятным причинам подобные трения стали возникать не по инициативе поляков (которых удовлетворяло *status quo*). И в письмах к Митрополиту литовская часть прихода зачастую выглядит зачинщиком конфликта, а польская - пострадавшей стороной (особенно если настоятель прихода тоже был поляком).

Что касается изменений структуры церкви в Сибири, то это было связано с уже отмеченным количественным ростом церквей, часовен и молитвенных домов в указанное время, а также с удаленностью руководства Могилевской архиепархии, что требовало какого-нибудь управления церковью на месте. Потребность в управлении церковью на месте была связано с целым рядом проблем, которые в это время остро стояли в Сибири и требовали своего решения. На этих проблемах я еще специально остановлюсь ниже (о них я уже докладывал на конференциях [6,7]).

Поэтому, когда проблемы стали значительными, произошла единственная в истории дореволюционной Сибири каноническая визитация епископа. Этот пастырский визит планировался в 1905 г. В 1904 г. по всем сибирским приходам были разосланы вопросы, настоятели должны были ответить на них и приготовить к намеченной на следующий год визитации. Однако епископ смог приехать только в 1909 г. - в Сибирь отправился суфраган Иоанн Цепляк. Плодом личного ознакомления с ситуацией церкви в Западной Сибири стало создание в следующем 1910 г. «местного самоуправления» церкви - учреждение деканатов. Западная Сибирь была разделена на деканаты Томский и Омский. Кроме того, был создан Иркутский деканат для Восточной Сибири.

Теперь рассмотрим проблемы, которыми была вызвана реформа и с которыми сибирские деканы должны были справиться. Свет на этот вопрос проливают архивные материалы из РГИА.

1. Отсутствие необходимого числа священников, при необъятных сибирских пространствах, всегда было, остается и, по всей видимости, будет и впредь главной проблемой католической церкви в Сибири (на протяжении всей истории священникам приходилось обслуживать много отдаленных друг от друга местностей). Следует отметить, что одной из причин бурного строительства церквей и домов для священников была как раз нехватка священников. Связано это с тем, что в то время даже наличие всего необходимого (церкви, дома для священника и средств на его содержание) в некоторых местностях еще не гарантировало, что будет найден священник для этой общины. Отсутствие церкви или средств на ее постройку и на содержание священника делали шансы католической общины получить постоянного священника крайне низкими. Порой возникала настоящая конкуренция между близлежащими местностями.

Типичным примером такой конкуренции может служить борьба между Белостокским и Маличевским поселками из-за того, в какой из этих двух местностей будет священник. Между обоими населенными пунктами было всего 30 верст - т.е. надежды, что будут присланы два священника, не было никакой. Из одного из рапортов томского декана Иосифа Демикиса следует, что как только в 1908 г. в Белостокском поселке была построена церковь и снабжена всем необходимым, в Маличевском поселке сразу же развернули строительство, и на следующий год уже была построена церковь и здесь. Руководил и организовывал это строительство томский викарий священник Павел Казюнас. В том же 1909 г., во время пребывания в Томске епископа Цепляка, жители Белостокского поселка прислали к нему «депутацию», чтобы просить назначить священника, о чем взяли с него обещание. Уезжая в Петербург, епископ взял с собою их просьбы - «приговоры» и очень сожалел, что не смог посетить Белосток лично. Но и жители Маличевского поселка буквально заваливали курию митрополита (так в католической церкви называется исполнительный аппарат епископа, администрация епархии) прошениями прислать священника. Поэтому Демикис предложил курии послать одного священнослужителя, который бы служил по очереди воскресные богослужения как в одном, так и в другом поселке. В качестве кандидатуры для этого двойного прихода Демикис предлагал своего викария священника Антония Жуковского. Следует отметить, что большинство католиков в Белостокском поселке были поляками, а в Маличевском - латышами. Каждый поселок хотел получить священника своей национальности. При этом в каждом из этих поселков проживало примерно одинаковое количество католиков - по 1200 - 1300 человек. Многочисленные письма в курию от жителей Маличевского поселка были написаны по одному сценарию - сначала католики уверяли, что готовы принять любого священника, какого митрополит смилостивится прислать, но в конце чаще всего дописывали, что этот «любой» священник должен быть латышом. В конце концов оба поселка «получили» Николая Михасенка, который говорил на обоих языках [8].

2. Межнациональные проблемы. Между Белостокским и Маличевским поселками существовала здоро-

вая конкуренция, где каждая из сторон хотела иметь священника своей национальности, но случались и более серьезные проблемы в многонациональных приходах. Таким был Новониколаевск. Священник Александр Билякевич завел специальную книжку, в которую записывал всех встреченных практикующих католиков (в книге были записаны только приступившие к таинству исповеди). Если доверять этой информации, в 1907 г. в Новониколаевске и окрестностях жили поляки, немцы, белорусы, чехи, латыши и литовцы. Большинство (согласно книге Билякевича) составляли поляки - до 800 человек (56,7 %), немцы - 450 (32 %), латыши и литовцы - по 80 (по 5,6 %). Остальные национальности были представлены незначительным количеством. Поскольку немцы проживали в отдельной колонии Мариенбург, то их язык в паралитургии и в проповедях в Новониколаевской церкви не использовался. Для латышей по праздникам читалось евангелие по-латышски, но проповеди не произносились, поскольку Билякевич не знал латышского языка. Проповеди произносились в воскресенье по-польски и дублировались по-литовски. Что касалось паралитургических молитв, то они читались традиционно только по-польски. Это и стало причиной конфликта, появившегося между поляками и частью литовцев (литовцем был органист), желающих большего присутствия литовского языка в паралитургии и песнопениях [9. ЛЛ 32].

Органист уволился и создал «альтернативный» хор. Писал в курию и жаловался на действия священника. Сам Билякевич сообщал управляющему Могилевской архиепархией прелату Денисевичу, что органист его обвиняет в польской пропаганде, в запрещении молиться по розарию (видимо, по-литовски) и в том, что заставляет людей отвернуться от церкви [9. ЛЛ 33]. Несмотря на то, что органист явно настраивал против священника своих соотечественников, и литовцы вели себя агрессивно, сам факт этого конфликта приоткрывает некоторую проблему, с которой необходимо считаться. В настоящее время чрезвычайно трудно выяснить, кто был прав и кто виноват в таком положении вещей в приходе. Однако один факт можно смело констатировать - к этому моменту Церковь в Сибири оказалась не готова к таким ситуациям.

Добровольные переселенцы требовали своих прав на священника, который бы проводил богослужения на их родном языке, что обычно им обещали власти при переселении. В течение последующих 10 лет (1907-1917) и митрополит в Петербурге, и деканы в Омске и Томске уделяли особенное внимание тому, чтобы каждый священник в Сибири знал по несколько языков и был готов к служению в многонациональном приходе, а именно такие были во всех средних и крупных населенных пунктах Сибири. С этим же связано и то, что в этот период в Сибири сильно увеличился процент священников не польского происхождения. Это были в основном литовцы, встречались латыши и белорусы. Хотя определение национальности в большинстве случаев сложно и зависит, прежде всего, от того, кем себя считал этот священник сам. Впрочем, епископу было из кого выбирать. В Петербургской семинарии (работала с 1879 по 1917 г.) учились наряду с поляками (это были, в основном, жители губерний, не входящих в состав Царства Польско-

го) литовцы, латыши, белорусы и даже русские. Преобладала молодежь из Ковенской, Виленской и Витебской губерний. Выходцы из Царства Польского были редкостью [10. С. 24]. Положительной стороной этих священников было то, что они хорошо знали и польский язык и свой родной. Значительной проблемой для епископа при выборе настоятеля или vicария для какого-нибудь прихода в Сибири было то, что священники крайне неохотно соглашались работать в азиатской части России и считали это место ссылкой.

Многие священники, назначаемые в сибирские приходы, туда так и не приезжали. Одни писали, что у них слабое здоровье, другие, что митрополит сначала должен объяснить, что в их поведении заслуживало такого «наказания». К чести епископов следует заметить, что при работе с документами Петербургской курии крайне редко приходится встречаться с отношением к Сибири, как к месту наказания. Причина такого поведения некоторых священнослужителей скорее кроется в общем для их современников отношении к Сибири, как к краю суровому и месту ссылки.

С польско-литовскими трениями связан и вопрос о численности представителей разных национальностей в многонациональных приходах. Среди исследователей, занимающихся этой проблемой, принято считать, что большинство католиков в Сибири всегда было поляками. Я осмелюсь поставить этот «факт» под сомнение хотя бы потому, что по сей день нет соответствующих исследований, которые позволили бы это смело утверждать. В дореволюционной истории церкви в Сибири были разные периоды и разное соотношение национальностей среди католиков. Однако и польская и российская сторона нередко были склонны к упрощению этого вопроса и к подсчету количества католиков в Сибири по числу поляков, как в XIX, так и в XX в., когда ситуация в Сибири коренным образом изменилась из-за переселенцев. С этим связано также и то, что в Сибири сначала «литвой», а потом «поляками» называли всех выходцев из Речи Посполитой (в том числе и белорусов).

Важным фактором в постановке этой проблемы было то, что можно назвать «взаимовыгодным стереотипом» в российско-польских взаимоотношениях на протяжении XVIII - XX вв. Имеется в виду то взаимное идеологическое убеждение, что от Варшавы до Владивостока каждый поляк - католик, каждый католик - поляк, каждый русский - православный и каждый православный - русский. Это подтверждает всем того желающим, что здесь лежит непреодолимая пропасть не только национальная или религиозная, но здесь проходит граница цивилизаций. Запад есть Запад, Восток есть Восток...

В этой незамысловатой и удобной схеме, однако, существует сложность - она не отражает права личности на свободный выбор конфессии или религии с сохранением своей национальности и патриотизма. Этим общечеловеческим правом всегда пользовались представители обеих сторон (есть немало примеров). Нет места в этой схеме и для самоопределения белорусов, украинцев, литовцев и представителей других национальностей. Побочным же явлением этого стереотипа было в начале XX в. то, что для многих людей, в том числе и священников, среди сибирских католиков не

существовало или литовцев, или белорусов, или тех и других, а были только поляки. Исследователи, занимающиеся историей пребывания поляков в Сибири, встречаются также с другой стороной «взаимовыгодного стереотипа» - когда после принятия православия поляк автоматически «становился» русским.

В связи с этим у меня возникает некоторое недоверие к данным, отмеченным священником Александром Билякевичем. Как было отмечено выше, соотношение поляков к литовцам или латышам в его приходе было примерно 800 (56,7 %) к 80 (5,6 %). Сопоставим эту информацию 1907 г. с данными томского декана священника Иосифа Демикиса от 1911 г. Согласно Демикису в Томском приходе было поляков и белорусов (вместе) - 45 %, латышей - 38 %, литовцев - 15 %, а немцев - 2 % [11]. Отметим, что сам томский настоятель и декан был литовцем. Значительная разница в числе немцев между томским и новониколаевским приходами объясняется отдельной немецкой колонией Мариенбург (подобной колонии не было в Томском приходе). Одновременно есть основания для того, чтобы сомневаться в том, что существовала такая серьезная разница в соотношении поляки - литовцы между соседними приходами практически в одно и то же время. Справедливость требует отметить, что в самом Томске, конечно, процент поляков был куда выше, чем в целом по обширному Томскому приходу.

Что касается информации новосибирского настоятеля, заметим, что записанными в его книжку оказались только «практикующие» католики, т.е. те, кто приходил на исповедь к Билякевичу хотя бы один раз в год. Если у него был серьезный конфликт со значительной частью литовцев, то они могли просто не пользоваться пастырскими услугами этого священника и ожидать его замены другим. Но могла быть и другая причина - Билякевич мог записать поляками всех, кто говорил с ним по-польски. На это бы указывало то, что новониколаевский настоятель упомянул, что белорусов было незначительное количество (не называя число или процент), тогда как Демикис просто объединил их с поляками. Сложность выделения белорусов из числа поляков была связана с тем, что в Белоруссии быть белорусом-католиком, значит общаться вне церкви на белорусском или русском, а в церкви и со священником по-польски. Эта традиция, зачастую, сохраняется в Белоруссии по сегодняшний день. При этом, если в Белоруссии можно было еще отличить белоруса от поляка по качеству польского языка, то в Сибири сделать это было невозможно, поскольку и поляки и белорусы говорили по-польски одинаково плохо и с сильным акцентом уже в начале века. В этом отношении неопровержимым кажется свидетельство самого Александра Билякевича, который писал в 1909 г. обо всех сибирских католиках независимо от национальности: «Все они забыли уже свой родной язык, а если и решаются время от времени говорить со страхом и стыдом, то изменяют выражения, делают ужасные ошибки, и священнику чрезвычайно трудно их понять» [9. Л. 4]. Трудно в связи с этим собственным свидетельством Билякевича выяснить, каким образом ему удалось с такой точностью определить, кто из его прихожан является поляком, а кто белорусом. Даже если он каждого спрашивал лично (что, исходя

из практики священников в Сибири, кажется маловероятным), то и это еще не гарантирует того, что белорусы-католики не называли себя поляками.

3. Необходимость «русификации» католической церкви в Сибири.

Отдельного рассмотрения заслуживает такое свидетельство Билякевича: «Заметно, что прихожане, живущие в здешних деревнях, уже давно забыли свой родной язык. И поэтому исполнить свой долг в этих деревнях, где практически все жители-католики говорят по-русски, священник не может иначе, как только пользуясь государственным языком. Вводить же русский язык для работы священника, особенно в церкви, без прямого разрешения Архиепархиальных властей, было бы очень опасно из-за того, что поляки и литовцы - шовинисты, начали бы кричать, что католическая церковь хочет продать свои догмы православным, а их самих собирается русифицировать... В этом вопросе следует поступать очень осторожно. Только епархиальное начальство может в таких случаях решить вопрос с честью для Церкви» [9. Л. 4-5].

По этому фрагменту видно, чем для шовинистов из среды поляков и литовцев (естественно, не все были такими) была церковь. Была она определенным элементом национальной культуры. О какой миссионерской работе среди местного неверующего (в том числе и русского) населения, говорящего только по-русски, могла идти речь, когда появления русских в католической церкви могло расцениваться такими шовинистами, как «продажа догматов православным», а появления русского языка в паралитургии или проповеди как «намерение русифицировать»? Следует отметить и то, что после царского манифеста от 17 октября 1905 г. разрешался переход из православия в другие христианские конфессии, в том числе и в католическую церковь. После этого манифеста католические священники не могли не задумываться над тем, каким образом можно было исполнять свою миссионерскую задачу. Как видно из того, что пишет новониколаевский настоятель, помехи в этой работе были даже в самих католических приходах.

В этой части обширного рапорта поднимается вопрос, который смогла решить со временем именно местная иерархия католической церкви. Проблема ввода русского языка была вновь поднята священником Юлианом Гронским, Апостольским викарием Сибири в 20-е гг. Он также видел необходимость русского языка и последовательно вводил эту идею в жизнь, убеждая сибирских католиков, что это единственно правильная позиция.

Священник Юлиан Гронский почти с самого своего приезда в Томск (8 августа 1920 г.) желал, чтобы у него был помощник - русский священник, который был бы в состоянии говорить проповеди на чистом русском языке. Он заметил, что русская интеллигенция заинтересована католической церковью, знал также, что она негативно относится к унии (к Греко-католической церкви), поэтому старался найти священника, который бы принадлежал к латинскому обряду и одновременно был бы русским. Когда Гронский понял, что это будет трудно осуществить, то решил пригласить кого-нибудь из священников восточного обряда из Петербурга. Речь шла о священниках, принадлежащих к появившемуся в 1917 г.

Экзархату Российской католической церкви восточного обряда, во главе которого стоял Леонид Федоров. Он осуществлял свою власть от имени львовского архиепископа Андрея Шептицкого. Оба были объявлены блаженными, во время визита папы римского Иоанна Павла II на Украину в 2001 г. Поскольку советская власть уничтожила эту структуру католической церкви одной из первых, то и усилия Юлиана Гронского не увенчались успехом. Делались и другие попытки. Например, Гронский хотел принять еще двоих православных священников, которые изъявляли желание перейти в католическую церковь, но эта инициатива также закончилась ничем. Подробнее об этом в [5. С. 250-253].

Как видно из всего вышеописанного, направление на «русификацию» Сибирской католической церкви последовательно претворялось в жизнь именно местной сибирской иерархией, а назрела такая необходимость уже в описываемый период начала XX в. В настоящее время язык большинства богослужений в католической церкви в Сибири - русский.

4. Отсутствие необходимого содержания для священников. Этот факт вынуждал руководство (до 1910 г. архиепископа, а после - деканов) изменять во многих местах границы приходов с тем, чтобы в каждом приходе было такое количество деревень или небольших городских общин, которое было бы в состоянии обеспечить священнослужителю необходимый прожиточный минимум. Священника часто просили те деревни, состоящие из католиков одной национальности, где все жители были переселенцами, которые недавно прибыли в Сибирь, еще не обжились и поэтому не могли содержать священника. В Сибири, кроме натурального содержания - дома, отопления, пищи, которые переселенцы могли бы предоставить, - священнику требовались еще немалые деньги на проезд по обширному приходу (приход, естественно, не мог состоять из одной только деревни, даже если она была большой). К этому следует прибавить и то, что во многих письмах, отправленных в адрес курии в Петербурге, содержались просьбы прислать «казенного» священника, который получает содержание от государственной казны, как это было в старых сибирских приходах.

Вопрос содержания существенно отличал XX в. от предыдущего. В XIX в. католические священники, с точки зрения властей, были государственными служащими, почти чиновниками. Они получали из Казенной палаты необходимое денежное содержание, а также «прогонные деньги» на объезд своих приходов. Речь тогда шла, прежде всего, о ссыльных, каторжниках и поселенцах. На «прогоны» выдавались немалые деньги. Суммы исчислялись согласно тарифам европейской части России, а в Сибири проезд почтовыми лошадьми часто стоил значительно меньше. В Томске священнику выдавалось в год 500 руб. серебром, а в Иркутске столько, сколько потребуется, но до 1000 руб. серебром. С введением переселенческого движения ситуация изменилась - переселенцы должны были сами построить церковь и содержать своего священника, включая деньги на проезд. Священники же вынуждены были содержать себя из того, что им дадут прихожане.

Нередко приходится встречаться с мнением, что в трудных ситуациях власти наделяли сибирские приходы землей, доходы от которой шли на содержание

церкви и духовенства. В действительности это подтвердилось только в случаях Томского и Иркутского приходов, потому что это были земли, пожалованные иезуитам во время пребывания их миссии в этих городах в 1812-1820 гг. До настоящего времени не найдено ни одного документа о том, что другим приходам тоже были сделаны подобные пожалования. Более того, нередко в делах РГИА встречается информация, что священники или прихожане разных сибирских приходов просили пожертвовать им землю, ссылаясь на существующий прецедент, однако всегда получали отказ властей в связи с тем, что нет соответствующего закона и что пожертвование земли Томскому и Иркутскому приходам, было единовременным актом монарха. Тем не менее у многих приходов, обычно старых, существовали доходные дома, которые были в разное время приобретены либо пожертвованы прихожанами. Деньги от аренды этих домов шли или на содержание церкви и священника, или составляли часть бюджета благотворительных обществ при приходах, если были пожертвованы с этой целью. В 1914 г. в Томске доход от аренды таких домов исчислялся в 2000 руб. и составлял половину годового бюджета прихода [5. С. 242-243].

Управление этим имуществом, обычно осуществлял не священник, а синдики (старосты) приходов, которые выбирались общим собранием прихожан на трехлетний срок (по два человека на каждый приход, реже по три) и утверждались митрополитом или управляющим могилевской архиепархией. Синдики помогали настоятелю в управлении делами прихода и вместе с ним составляли Церковный комитет. Это было общее требование для всех приходов в Могилевской митрополии и регулировалось законодательством (Сводом законов Российской империи, том 11, Уставы духовных дел иностранных исповеданий, часть 1). Однако, что касается Сибири, то небольшие приходы обычно безнаказанно нарушали это постановление и не избирали церковных старост вообще.

Подытоживая роль реформы управления католической церковью в Сибири, следует заметить, что эта реформа стала началом создания Сибирской католической церкви (до 1910 г. можно говорить только о католической церкви в Сибири). В 1919 г. к Томскому и Омскому деканатам добавился Пермский (Уральский) деканат, созданный в период с 1917 по 1919 г. (к сожалению, до сих пор не удалось найти декрет об образовании этого деканата среди документов РГИА). На этом процесс создания Сибирской католической церкви не завершился. Он продолжился в 20-е гг., когда появились Апостольский викариат Сибири и Владивостокская епархия. Собственно Апостольский викариат Сибири был создан 1 декабря 1921 г. Согласно официальному каталогу, в 1923 г. он состоял из пяти деканатов: Томского, Омского, Иркутского, Ташкентского и Владивостокского. Насчитывал 101 140 католиков и имел в распоряжении 82 церкви, часовни и молитвенных дома. Пермский (Уральский) деканат, естественно, не вошел в состав Сибирского викариата [12. С. 38-41]. Данные этого каталога, однако, являются только ориентировочными и неточными не только из-за того, что в это время очень быстро менялась численность католиков в приходах, но и из-за

того, что в этом каталоге не учтены, например, Томская часовня на кладбище и Белостокская церковь (отмечен только Маличевский поселок). Из Владивостокского деканата вскоре была образована отдельная Владивостокская епархия для Дальнего Востока, а ее единственным до сегодняшнего дня епископом стал бывший декан Кароль Сливовский (Karol Sliwowski).

Что касается Сибири, то первый Апостольский Викарий был назначен поздно - 17 декабря 1924 г. Стал им бернардинец Герард Петровский. Однако находил-

ся он все время в Харбине и был оторван от информации о большей части своего викариата. В 1926 г. новым Апостольским викарием был назначен томский декан священник Юлиан Гронский.

Развитие структур Сибирской католической церкви было прервано советской властью, но продолжается и в настоящее время. Сейчас на территории Сибири существуют (временно) две независимые от Европейской России Апостольские Администрации для католиков латинского обряда с центрами в Новосибирске и Иркутске.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chaniewicz W.* Białostocka tragedia//Karta. 1991. № 6. S. 126-127.
2. *Directorium officii Divini ac Missarum Archidiecesis Mohiloviensis.* Petropolis, 1917.
3. *Directorium officii Divini ac Missarum Archidiecesis Mohiloviensis.* Petropolis, 1905.
4. *Directorium officii Divini ac Missarum Archidiecesis Mohiloviensis.* Petropolis, 1919.
5. *Maslennikov A.* Rzymskokatolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812-1991. Krakow: Nasza Przeszłość, 2000. T. 93. S. 227-266.
6. *Масленников А.В.* Проблемы истории Римско-католической церкви в Западной Сибири//Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-6-2000): Докл. 6 Междунар. научно-практ. конф. (краткое содержание). Томск: ТУСУР, 2000. 279 с.
7. *Масленников А.В.* Реформы структуры и проблемы Римско-католической церкви в Сибири (1905-1917 гг.)//Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-7-2001): Докл. 7 Междунар. научно-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 296 с.
8. *РГИА.* Ф. 826. Оп. 1. Д. 1618. Л. 5-36.
9. *РГИА.* Ф. 826. Оп. 1. Д. 1361.
10. *РадванМ.* Римско-католические духовные учебные заведения Санкт-Петербурга в XIX веке (1842-1917 гг.). СПб., 1995. 25 с.
11. *РГИА.* Ф. 826. Оп. 1. Д. 2319. Л. 70.
12. *Directorium officii Divini ac Missarum Archidiecesis Mohiloviensis.* Petropolis, 1923.

Статья представлена кафедрой исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 19 ноября 2001 г.